

Рассказы о трагических событиях в военном лагере быстро распространились по столице. Все семьи, которые насчитали солдат среди своих детей, пришли в волнение. Мертвые уже остыли, но родственники тех, кого все еще избивали, поспешно задействовали свои связи, чтобы заступиться. Но всех тех, кто пришел в гарнизон повидаться с генералом, прогнали, а госпожа Хуан закрыла ворота особняка гуна-протектора для посетителей, отказавшись впустить хотя бы одного. Самые сообразительные бросились в особняк принца Аня и рассказали о своих обидах вдовствующей супруге Ань. Вдовствующая супруга Ань, не в силах вынести вида своих близких друзей в слезах, отправила сообщение Е Чжао, прося ее проявить великодушие и отпустить родственников ее друзей.

Е Чжао взяла письмо и кивнула.

- Благосклонность моей свекрови следует уважать. Передайте этих людей из списка опытному исполнителю наказаний, будьте осторожны, не убейте их.

- Генерал, - доложил бригадир, - избиения уже закончились. Погибло тринадцать человек. Вы имеете в виду... еще один раунд?

Е Чжао энергично покачала головой.

- Тогда забудь об этом. Мы впервые показали здесь, что такое военная дисциплина, и нет ничего плохого в том, чтобы немного ослабить ее. Все вы, идите и проинструктируйте эту группу бесполезных ублюдков. Расскажите им, какие правила действуют в армии. Если они не поняли свой урок, добавьте еще двадцать ударов, чтобы убедиться, что они запомнили. Пусть они восстанавливают силы, если всё поняли и осознали.

Бригадир дал свое согласие и ушел.

Столичный военный лагерь немедленно охватил безумный учебный ажиотаж. Новобранцы напрягали все свои силы и дыхание, изучая воинские уставы с большим усердием, чем чжуаньюань* на дворцовом экзамене.

* стар. чжуаньюань, первый из сильнейших (победитель на столичных экзаменах, первый кандидат на высокую должность).

Е Чжао была очень довольна всеми их усилиями.

Услышав эту новость, несколько правительственных чиновников пришли в такую ярость, что предстали перед императором, обвинив Е Чжао в жестокости и тирании; ее наказания были слишком суровыми и охладил сердца солдат.

Нынешний император был добросердечным человеком; он плакал, когда птицы, которых он выращивал, умирали, и никогда не вел себя жестоко. К сожалению, он от всего сердца

наслаждался последней канарейкой [1], которую ему поднесли в качестве дани уважения, и забыл о чиновниках, стоявших на коленях снаружи, задержав аудиенцию на два шичэня. К тому времени несколько голов уже пали, и избиения закончились. Ему пришлось несколькими словами утешить своих заплаканных министров, напомнить им, чтобы они контролировали своих детей, и адресовать Е Чжао формальный императорский указ. Затем он продолжил наслаждаться своими птицами, в то время как Е Чжао также отложила этот безобидный указ в сторону.

[1] Букв. 金顶金豆 yù dǐng jīn dòu, «золотой боб с нефритовой верхушкой», название птицы неизвестного вида из «Сна в красном тереме».

Поведение императора сделало истину ясной для всех.

Действительно, все потомки знатных семей, которые хотели поступить в армию, сделали бы это, сдав военный имперский экзамен, и вряд ли приняли бы участие в таком позорном опыте. Они были избалованными детьми; их семьи неохотно отправили их трудиться и страдать в казармах в качестве простых солдат. Таким образом, помимо убитых базарных хулиганов, все остальные, скорее всего, были незначительными или находящимися в неблагоприятном положении представителями знати. Это может быть большой трагедией, но, по их мнению, не стоило того, чтобы оскорблять императорскую семью или высокопоставленных чиновников.

Некоторые быстро переобулись, утверждая, что не подобает беспокоить столичный гарнизон, и что правила должны соблюдаться железным кулаком, если они хотят продолжать защищать страну Великой Цинь на долгие годы вперед. Однако все еще оставались люди, чье мнение не изменилось. Такова была Ма Гуйжэнь, которая была очень близка со своим племянником до того, как попала во дворец. Когда она услышала известие о его смерти, она немедленно схватилась за живот и отправилась к императору, со слезами на глазах прося его что-нибудь сделать.

Император, играя со своей птицей, небрежно спросил ее:

- Почему твой племянник вступил в армию имперского города?

- Он с детства хотел служить Великой Цинь, - ответила Ма Гуйжэнь, - целиком, душой и телом.

- Но есть так много способов служить Великой Цинь, не так ли? - снова спросил государь. - Через имперский экзамен, в делах или сельском хозяйстве; всё это очень безопасные способы. Зачем настаивать на вступлении в армию?

Ма Гуйжэнь не осмелилась сказать ему, что ее племянник не смог сразу овладеть боевыми искусствами, поэтому ему пришлось использовать влияние своей семьи, чтобы найти место для работы. Она могла только плакать:

- Он... Он всегда любил армию, он хотел прославиться как солдат, послужить императору,

чтобы отплатить ему за благосклонность, и принести честь своим предкам. Он совершил какое-то незначительное нарушение до того, как завершил свое обучение, да, но генерал Е убила его! Как по-настоящему несчастен...»

Император вздохнул.

- Он действительно был несчастен. Добиться славы в армии нелегко, ему, естественно, нужно было не терять самообладания. Сколько ему исполнилось лет в этом году? Как долго он служил в столичных войсках?

- Ему было двадцать три, - с тревогой сказала Ма Гуйжэнь, - и он провел там больше трех месяцев.

- Как может человек, который хочет заслужить военные заслуги, проживший двадцать три года и прослуживший в армии более трех месяцев, не понимать армейских правил, оставленных предками?

Это временно лишило Ма Гуйжэнь дара речи, но она все равно съязвила:

- Виноват генерал Е, который не умеет должным образом учить и избивает всех подряд.

- Е Чжао владеет наследственным кнутом из черного железа и расправилась с твоим племянником, следуя военным законам, - сердито возразил император. - Считаешь ли ты, что учения наших предков неверны, или что военная дисциплина наших предков убивает без разбора? Какое у тебя, однако мужество!

- Нет... Ваше Величество, я не это имела в виду, я... У меня болит живот.

Она плакала и беспрестанно дрожала, едва держась на ногах.

- Не становись на колени, ты беременна. Такие слезы вредны для ребенка. - Император поспешно помог своей любимой наложнице подняться и попытался утешить ее. - Это дело уже закрыто, но разве у тебя все еще нет кузена по материнской линии, служащего в армии? Я не думаю, что он и Е Чжао совместимы. Поскольку он хочет служить своей стране и чтить своих предков, как насчет того, чтобы предоставить ему небольшую должность и перевести в другое место? Что ты скажешь о передовом форпосте на юго-западной границе? Там больше всего возможностей для признания, и когда придут хорошие новости, я обеспечу ему хорошее продвижение по службе.

На юго-западную границу часто вторгались варварские народы, и из-за ядовитых насекомых и болотного газа сам авангард юго-западной границы был известен как «отряд смерти». Его ряды состояли из осужденных, отправленных туда отбывать наказание, или отчаявшихся местных мужчин. Если бы они смогли продержаться несколько лет, их можно было бы хорошо

продвинуть по службе, но таких случаев было немного.

До Ма Гуйжэнь, наконец, дошло, и она бросилась на колени, низко кланяясь и моля о пощаде.

- Мы забудем об этом, если ты этого не хочешь, зачем все это? - Император снова поднял ее и улыбнулся. - Хотя у меня уже есть наследный принц и много сыновей, я все равно очень счастлив, что у меня есть это твоё любимое дитя. Было бы лучше, если бы это была маленькая принцесса, которая выглядела бы точь-в-точь как ты. Она определенно была бы прекрасна.

У Ма Гуйжэнь закружилась голова. Она действительно чувствовала, что у нее болит живот.

Внутри лагеря после окончания наказаний еще предстояло уладить некоторые вопросы.

Е Чжао сидела в кабинете генерала, изучая каждый документ один за другим. Вечер наступил прежде, чем она успела опомниться.

Ху Цин вошёл, подошёл к ней сбоку и обошёл вокруг нее.

Когда она, наконец, заметила его присутствие, то подняла голову. «Лис, - сказала она, - спасибо тебе за то, что ты помогал умирять эту группу придурков в течение нескольких дней. Я знаю, что это была тяжелая работа - собрать такой исчерпывающий список нарушителей правил».

- Это то, что я должен был сделать, - ухмыльнулся Ху Цин и сел рядом с ней. - Завтра выходной, пойдем куда-нибудь выпьем?

Е Чжао покачала головой.

- Человек дурно себя ведет под действием алкоголя.

- Я никогда так не думал...

- Я говорю, что ты не умеешь сдерживаться.

Ху Цин неловко потер нос. «Айя, все равно все вокруг будут пьяны. Кто будет винить другого?»

Е Чжао посмотрела на высокую стопку бумаг.

- В другой раз.

- Ни за что!

- Почему? - нахмурившись, спросила Е Чжао.

Ху Цин некоторое время не отвечал, потом пожаловался: «Подруга... Ты, может быть, забыла нашу клятву в вечной верности?»

Е Чжао напряглась. «Что, черт возьми, ты задумал?» - спросила она, насторожившись.

Ху Цин с улыбкой встретил ее взгляд.

- Догадываешься?

Е Чжао некоторое время размышляла, прежде чем пригрозить, прищурившись на него:

- Даже если я дружу с таким хитрым подлецом, как ты, это не мешает мне иногда мечтать придушить тебя...

- Ха-ха! Хорошо, что это бывает только иногда и только во сне, - рассмеялся Ху Цин. Увидев мрачное выражение ее лица, он быстро объяснил: - Много лет назад мы поклялись, что отомстим или умрем, пытаясь это сделать. Накануне рейда ты сказал, что если все вернутся живыми, ты угостишь нас всех лучшим вином в столице. Ты что, забыла?

Е Чжао рассмеялась, услышав это.

Как она могла забыть ту ночь?

Небо было беззвездным и безлунным. Три тысячи солдат, спасшихся от резни в Северной пустыне, собрались на вершине Черной горы, сверкая заточенными клинками, чтобы дать кровную клятву мести. [2]

[2] Букв. 抹血盟, shà xuè wéi méng, досл. мазать углы рта кровью жертвенного животного в знаккрепления союза; в знач. заключить священный союз.

Никакого вина, чтобы выпить для храбрости; вместо него они использовали пресную воду.

Мяса, которое они могли бы поделить, не было; вместо него они использовали кукурузный хлеб.

Она встала и сказала всем: «Если мы вернемся в столицу победителями, я угощу всех своих товарищей хорошим вином!»

Они смеялись и свистели. «Одного хорошего вина недостаточно! Раскрашенные джонки на реке Цинь - самые лучшие, а танцовщицы на улице Люань - самые красивые! Генерал не должен поскупиться, и они напьются до упаду!»

Она улыбнулась.

- Тогда мы сможем пить три дня и три ночи!

- Да! - Все они сразу же осушили свежую воду в своих чашках, разбили их и взревели: - Победа будет за нами! Увидимся в столице!

Затем, накинув доспехи, подняв оружие, они бросились вниз с горы по ее склонам и ворвались во вражеский лагерь.

Сражайтесь насмерть!

До самой смерти!

Боритесь за свою жизнь!

В ту ночь они разгромили врага, но тысяча двести тридцать семь их соплеменников не вернулись.

Шесть лет спустя из тех первоначальных трех тысяч человек осталось всего шестьсот тридцать два человека.

Лао Хуан, который мог исполнять оперу, был мертв; свиноголовый Гоу Шэн был мертв; Сяо Хэ, который пел прекраснее птицы, был мертв; Лао Мао, который сжигал совершенно съедобную пищу, был мертв; Лао Ню, который делал кузнечиков из травинок, был мертв; Тай Чжу, который каждый день мечтал о женитьбе на своей девушке, был мертв; А-Ню, который больше всего любил драться, тоже был мертв...

Что было более достойным празднования, чем быть живым?

- Если вы хотите выпить, значит, выпьем! Возьмите напрокат все прогулочные лодки на реке Цинь и наймите лучших танцоров и музыкантов в переулке Люань! Я угощу своих людей самым лучшим вином!